

Среди книг

с Александром Ливергантом

[277]

ИЛ 10/2019

Без иллюзий

Миленко Ергович. *Gloria in excelsis*. Перевод с хорватского Ларисы Савельевой. М.: Центр книги Рудомино, 2018. — 544 с. — (Серия “Сто славянских романов”)

Свое повествование — что ныне дело, в общем, привычное — Миленко Ергович ведет одновременно по трем направлениям, на трех, так сказать, временных уровнях. Перед нами три чередующихся эпизода из истории Хорватии. Действие первого эпизода, пересказанного монахом Марьяном (и соответствующим образом стилизованного автором), происходит с 1765 по 1768 год, в течение этих трех лет монахи пытаются добыть средства на строительство сгоревшего монастыря Святой Екатерины в Крешеве, в Боснии. Второй и третий эпизоды по своей протяженности гораздо короче и хронологически ближе к нам, тем более — друг к другу. Время действия обоих — самый конец войны, апрель 1945 года. Если история военного летчика Желько Чурлина, перебежавшего в начале войны из ВВС Королевства сербов, хорватов и словенцев в ВВС Независимого государства Хорватии, активно сотрудничавшего с нацистской Германией, а потом, разочаровавшись в устахах, — к англичанам и буквально за не-

сколько минут до отмены бомбардировок сбросившего бомбу над бывшей Земледельческой сберегательной кассой в Сараеве, длится в общей сложности почти полгода, то эпизод номер три строго ограничен и местом, и временем. Длится он меньше полутора часов: в 6.15 утра 2 апреля в подвал, который служит бомбоубежищем, спускаются мирные жители (как выясняется по ходу повествования, не такие уж мирные), а в 7.37 в бомбоубежище попадает бомба, та самая, что была сброшена Желько Чурлином.

Впрочем, близки между собой — и в этом, в сущности, смысл книги — все три прочерченных писателем исторических вектора. А ведь что, казалось бы, общего между горсткой изверившихся людей, безуспешно пытающихся спастись в подвале от бомб союзников в последние недели войны, и монахами XVIII века, что ради строительства сгоревшего монастыря платят Травницкому ага Шерифичу 15 кошельков золотых монет?

Общего много. “Нет в мире правых и виноватых” — гласит

старое изречение. Ергович это изречение корректирует: *все* правы и *все* виноваты. И в восемнадцатом веке, и сегодня истина не зависит ни от времени, ни от истории. И прав и виноват комендант бомбоубежища, в довоенном прошлом бухгалтер Шимун Пашкван, когда, спасая себя и семью, запирает двери перед прячущимся от усташей евреем Пубой Леви. И прав и виноват Перо Филипович, кассир из Вареша, который “от горняцкой нищеты” сбежал в город и построил дом, покупая за полцены сдаваемые обратно билеты. (В дом потом угодила бомба — высшая справедливость?) И прав и виноват султан, обративший свой державный гнев на монахов, ведь ему повсюду мерещатся заговоры, он боится, как бы его не перехитрили, не обманули, не низложили — и ведь правильно боится. Вправе ли мы обвинить или оправдать пилота Желько Чурлина за то, что тот на самолете королевских военно-воздушных сил бомбит своих? Или тех ученых мужей, что описывали в энциклопедиях способы опыления у папоротников, пока их соотечественников зверски и безнаказанно умерщвляли в Ясеноваце, хорватском лагере смерти?

И то сказать, в романе Ерговича, как и во всякой хорошей книге, вопросов куда больше, чем ответов. Какая власть для людей хуже: коммунистическая послевоенная или националистическая прогитлеровская? Чем отличаются и отличаются ли сербские четники от хорватских усташей? Партизаны Тито — от усташей Анте Павелича, главы Независимого государства хорватов? Пар-

тизанские разведчики — от усташской надзорной службы? Усташская мобилизация — от партизанской? Прав ли старый мудрец Зовко, говоривший, что люди становятся собаками не в свой смертный час, а задолго до него? Правы ли те, кто утверждает, что зла следует прежде всего ждать “от наших, наши до всего докопаются, потом состряпают дело против порядочного человека”? На последние два вопроса ответ, впрочем, есть. И он, увы, утвердительный.

В мире Ерговича рядом с фактографией, причудливо переплетаясь с ней, царит самый безудержный вымысел — “магический реализм” по-хорватски. Сараевцы двадцатого века ничуть не меньше, чем восемнадцатого, наделены богатым воображением, в историях, которые они вспоминают, пересказывают друг другу, правды не больше, чем вымысла. Вспомним хотя бы Шкембу: ростом, как два человека, а “в ширину такой, что ни в какие ворота не пройдет, кроме как боком”. Или колдуня Остои Остоича. Когда его повесили, у него выпали из глазниц и покатались по булыжникам синие глаза, а вскоре после этого у Фехима Булюбашича корова отелилась белым как снег, синеглазым теленком, после чего сараевский землемер Эмил Харни предложил Фехиму эти глаза купить... Габриэль Гарсиа Маркес, как теперь любят говорить, “отдыхает”.

Да и Гоголь тоже: “А так как турецкая душа в католической могиле покой найти не может, то она светом светится в лесу; стоит к ней живому человеку

приблизиться, душа начинает стонать... и поднимать вопли”. Чем не “Страшная месть”?

Цитирую с удовольствием: перевод Ларисы Савельевой, и не только этого отрывка, очень хорош.

Седую старину Хорватии (одной ли Хорватии?) с совсем еще недавним прошлым сближают не только вымысел, но и постоянно присутствующие абсурд, черный юмор, ими окрашены и быт, и политика, и война, и коммерция, и любовь, и религиозный культ — все стороны жизни. Строительство Крешевского монастыря затянулось на годы не только потому, что доверчивых монахов обирают и водят за нос, да они и сами говорят: “Обложили нас изрядным налогом на глупость”, но еще и потому, что под деревянной обшивкой наружных стен скрывался камень, а турки боятся, что в случае войны любое каменное здание может превратиться в крепость. Завидная предусмотрительность, граничащая с манией преследования! Ни за что не догадаетесь, по какой причине безбожная коммунистическая власть обвиняет Жель-

ко Чурлина в том, что перед войной он пошел учиться в Военно-воздушную академию. Действительно, по какой? Поступок ведь, казалось бы, патриотический — не то что бегство к англичанам. Патриотический и всё же подозрительный: в академию он пошел, так как хотел... быть ближе к Богу. “Gloria in excelsis Deo” — “Слава в вышних Богу”, как поется в одном из главных христианских богослужебных гимнов.

А ведь и правда хотел, он и в самом деле хотел быть ближе к Богу. Да и что ему оставалось, когда со дня на день должен был выйти приказ о роспуске эскадрильи, а сам он не нужен был ни стареющим тихо ненавидящим друг друга родителям, ни новой власти, ни, главное, самому себе? Оставалось только одно: “Я заправил баки горючим, помолился и забрался в самолет... Загреб белым пятном быстро, как вдох и выдох, мелькает в мрачной глубине и исчезает... Глушу моторы и камнем падаю вниз, на заснеженные вершины. Смотрю на белизну и вслух считаю: один, два, три”.

Gloria in excelsis.